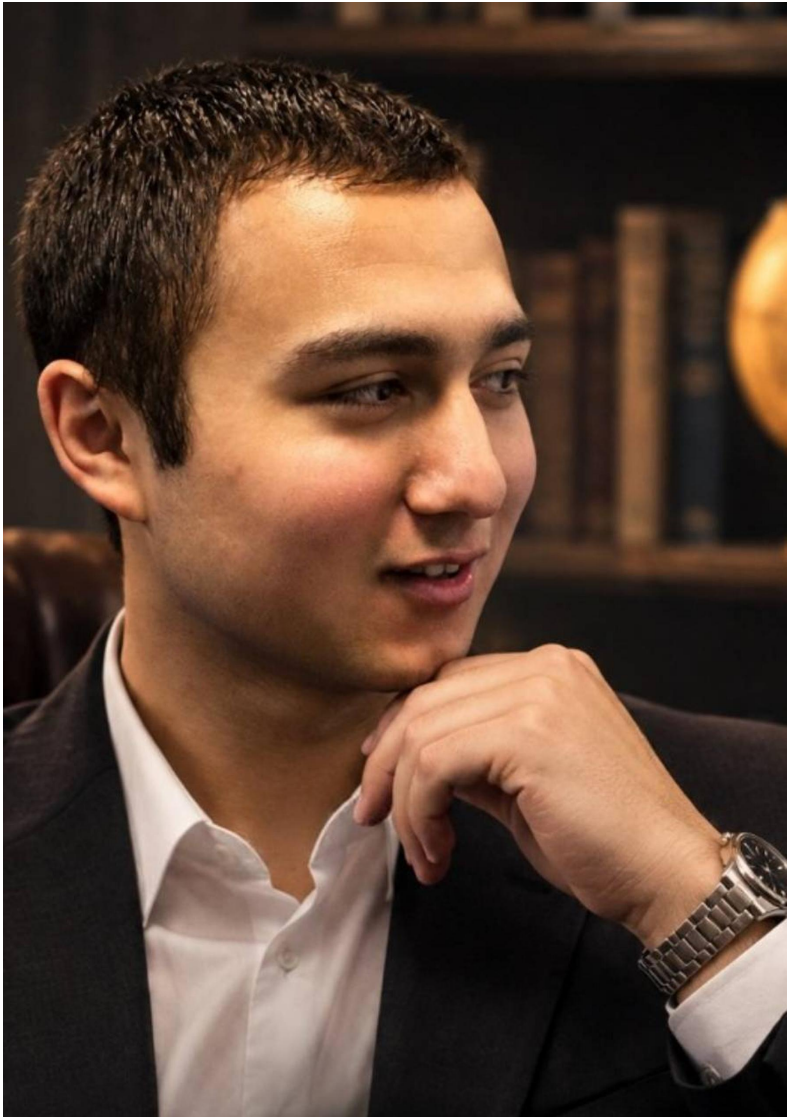

Мурад Керимов

Несломленный. Автобиография

https://litres.ru/74746423
SelfPub; 2026

Аннотация

История человека, выросшего между Севером и Югом: между стужей Нового Уренгоя и теплом родного Шахсевана. Это рассказ о закалке характера — о смене в минус пятьдесят, о тяжёлом труде на промысле, о верности делу и слову. О семье, которая остаётся главным ориентиром: о жене А., троих детях и мечте дать им будущее, где будет больше солнца и возможностей. В книге — и будни газовика, и научные статьи о коррозии, и сказки, написанные для детей: ведь через простую историю можно сказать самое важное — «ты не один». Это взгляд вперёд — письмо себе в 40 лет с планами, надеждами и благодарностью к обеим родинам. Книга о том, как брать лучшее из двух миров и оставаться верным себе: газ должен идти, слово — держаться, семья — быть превыше всего.

Мурад Керимов
Несломленный.
Автобиография

НЕСЛОМЛЕННЫЙ
Автобиография

Автор: Керимов Мурад Фуад оглы
Новый Уренгой
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Семья превыше всего» — девиз этой книги, как и девиз её автора.

Глава 1. Человек с Севера и с Юга одновременно
Глава 2. Дорога на Север: 1989 год
Глава 3. Рождение
Глава 4. Первый дом: пансионат
Глава 5. Детство Севера
Глава 6. Школа: годы испытаний
Глава 7. Два дома: Баку и Шахсеван
Глава 8. Недовольство из-за нации
Глава 9. Техникум: 2013 год

Глава 10. Первые смены: «Газпром добыча Уренгой»
Глава 11. Оператор по добыче: что это значит на самом деле
Глава 12. Коллектив: «бичарня»
Глава 13. Армия: год, который изменил меня
Глава 14. Мечта хирурга — и мужская честность
Глава 15. А.
Глава 16. Трое
Глава 17. Сто пятьдесят человек: о родне
Глава 18. Книги и слова
Глава 19. Золотые руки: работа как ремесло
Глава 20. Ачимовский пласт: наука на практике
Глава 21. Справедливость — мой компас
Глава 22. Холод, который учит молчать
Глава 23. Милосердие без границ
Глава 24. Два мира — одно сердце
Глава 25. Наука, которая спасает металл
Глава 26. Сказки, которые я пишу для детей
Глава 27. Завтра
Глава 28. Финал: два дома, одна жизнь
Глава 29. Шахсеван: тишина, которая лечит
Глава 30. Гостеприимство как закон
Глава 31. Дом, который держит
Глава 32. Контраст, который делает меня сильнее
Глава 33. Письмо себе в 40 лет
Глава 34. Эпилог: сто страниц — только начало

Глава 35. Сказки как мой способ сказать «я люблю»
Глава 36. Лев Архимед и урок, который я вложил в эту сказку
Глава 37. Переезд как акт любви
Глава 38. Сто страниц, наполненных смыслом
Приложение. Сказка «Лев Архимед»

«Я не выбираю между мирами. Я беру лучшее из каждого.»
Мурад Керимов

ГЛАВА 1
ЧЕЛОВЕК С СЕВЕРА И С ЮГА ОДНОВРЕМЕННО

Меня зовут Керимов Мурад Фуад оглы. В имени — отец, как положено по азербайджанской традиции: «Фуад оглы» значит «сын Фуада». Но родился я далеко от страны, из которой родом моя фамилия, — в Новом Уренгое, Ямало-Ненецкий автономный округ. Там, где зима длится девять месяцев, а термометр показывает минус пятьдесят — и это не шутка, а прогноз.

В моём паспорте национальность давно не пишут. Но её и не нужно писать: она со мной. Азербайджанец, рождённый на вечной мерзлоте, — такова моя первая несправедливость судьбы, которая позже обернулась подарком. Я принадлежу двум мирам сразу: жаркому Югу с его гранатовыми садами и чайными пиалами — и суровому Северу с его ветром, бу-

ровыми вышками и людьми, которые умеют молчать и работать.

Эти два мира часто спорят во мне. Юг учит чувствовать, петь, говорить красиво и щедро. Север учит терпеть, считать и не жаловаться. Мне двадцать девять лет, и я до сих пор не решил, кто из них победил. И, кажется, победил не кто-то один — победил их спор. Потому что из этого спора получился я.

ГЛАВА 2
ДОРОГА НА СЕВЕР: 1989 ГОД

Моя семья — из Кюрдамирского района Азербайджана, из села Шахсеван. Небольшое село с большой историей, среди полей и садов, где до сих пор стоит отцовский дом.

Отец, Фуад, окончил Бакинский нефтяной техникум — профессию выбрал не случайно: нефть и газ были золотой жилой всего Союза. Но в конце восьмидесятых на родной земле работы становилось всё меньше. Экономика дышала тяжело, техникумовский диплом не превращался в зарплату. И тогда взгляд отца обратился на Север — туда, где лежали огромные запасы газового конденсата, где платили в разы больше и куда ехали все, кто хотел дать семье достойную жизнь.

Так в 1989 году наша семья оказалась в Новом Уренгое. Отец с дипломом нефтяника, мама рядом, впереди — неизвестность: полярный город, где они не знали ни души.

Позже, когда я вырос, я понял, что это был подвиг. Не геройский, не парадный — ежедневный. Уехать в тридцатиградусный мороз из страны, где зимой люди носят лёгкие куртки, и построить там жизнь с нуля — на это нужна особая порода человека. У нас эта порода есть. Азербайджанцы всегда умели уезжать, работать и врастать в чужую землю так, что она становилась своей.

ГЛАВА 3
РОЖДЕНИЕ

Я родился в Новом Уренгое — уже после того, как семья обжилась. В паспорте я Керимов Мурад Фуадович, но по-настоящему я — Фуад оглы, сын Фуада, как положено по азербайджанской традиции. Имя Мурад означает «желание», «мечта» — то, к чему стремишься всем сердцем.

Рядом со мной вырос брат. Мы шли по жизни в одну сторону: сегодня он работает в «Газпроме» инженером по добыче. Отец прошёл свой путь на производстве инженером по подготовке газа — десятилетия на промысле, и в 2022 году вышел на пенсию. Мама трудилась санитаром в детской больнице — неблагодарная, но самая человечная работа на свете — и с 2026 года тоже на пенсии.

Я иногда думаю: у нас в семье газ в крови. Техникум отца, промысел, «Газпром добыча Уренгой», брат-инженер — это не совпадение, это преемственность. Династия, которой не было официального названия, но которая существовала на

самом деле.

ГЛАВА 4
ПЕРВЫЙ ДОМ: ПАНСИОНАТ

Первые годы в новом городе мы прожили у родственников. И вот момент, который я понял потом, когда вырос, а не тогда, когда это происходило: приём у своих — это щедрость, но и испытание. Квартира была маленькой, семья — растущей, и в итоге нам пришлось выехать. Нас выгнали с квартиры, где мы были гостями, — эта фраза звучит горько, но в ней тогда не было злого умысла, было безвыходное тесное время.

Отец, при помощи друга, с трудом нашёл пансионат. Туда мы и въехали — всей семьёй. Там прошли мои первые сознательные годы.

Пансионат — это отдельный мир. Длинные коридоры, соседи за тонкими стенами, общий двор. Там я впервые увидел и другую сторону жизни девяностых: во дворе торговали наркотой, дети старше меня нюхали клей и таскали пиво из ларьков — тех самых маленьких, с окошками, куда потом днём и ночью лезли беспризорники. Это была улица без присмотра: ни видеокамер, ни ночных обходов, ни телефонов у родителей, чтобы знать, где ты.

Меня спасало одно: строгость отца. Она не всегда была приятна ребёнку — когда сверстники зовут гулять, а отец говорит «нет», это обидно. Но сегодня, в двадцать девять, я

говорю спасибо. Пока мои сверстники по двору спивались и терялись, отец держал меня на коротком поводке — и этот поводок оказался лестницей.

ГЛАВА 5
ДЕТСТВО СЕВЕРА

Детство на Севере — это другое детство. Не дворы с качелями, не лето в деревне у бабушки, как у большинства детей страны. Это полярная ночь, когда месяцами не встаёт солнце, и полярный день, когда оно в полночь висит над головой. Это вечные морозы, метели и сугробы выше меня.

И — честно — мне было тяжело. Я не знал никого вокруг, не было ни живности, ни зелени — всё, что я любил потом в селе, здесь отсутствовало как класс. Я постоянно болел — организм ребёнка не сразу привыкает к климату, где зимой минус пятьдесят. Город казался скучным: гулять негде, а в те годы ещё и опасно. Девяностые и начало двухтысячных — время, когда на улицах было много наркоманов, пьяниц, преступников, и родители отпускали детей гулять со страхом в голосе.

Денег в семье было мало: новая Россия только вставала, зарплаты задерживали по месяцам. Я помню это ощущение — не голод, нет, но постоянный, фоновый дефицит, когда каждая покупка обсуждается, а поездка в Азербайджан раз в год — праздник, к которому готовятся заранее.

Но именно из этого вырос мой характер. Север не балует,

Север закаляет.

ГЛАВА 6
ШКОЛА: ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Школа стала для меня второй ареной после двора. И здесь меня ждали «отморозки» — те, кто решал вопросы кулаками, кто искал слабых и испытывал чужие нервы.

Мне часто приходилось драться. Не потому, что я любил драки, — потому что не драться было нельзя. Защищал себя. А чаще — других, более слабых ребят, которых задирали. Кто-то должен был встать между сильным и слабым, и часто этот кто-то был я.

Скажу честно, как есть: я человек с сильным характером, и вспыльчивость моя — не выдумка для книги. Много раз я вступал в конфликт первым, много раз действовал жёстче, чем следовало. Агрессия у меня — не украшение, а часть характера, с которой я всю жизнь учусь управлять. Она делала из меня защитника — и она же делала из меня проблему для тех, кто вставал не на той стороне. В книге честной я не буду себя рисовать белым и пушистым: характер выковался крепкий, а крепкие характеры имеют острые края.

Пока я учился, многие сверстники пили, гуляли, забивали на учёбу. Друзья подталкивали и меня: «Чего ты как маленький? Пошли, все идут». Это было испытание тяжелее любой драки — драка длится минуты, а искушение тянется годами. Я не сломался. И снова вернусь к отцу: его строгость была

тем барьером, о который разбивались все «пойдём гулять». Учёба — это то, что в нашей семье понимали просто: без знаний никуда.

ГЛАВА 7
ДВА ДОМА: БАКУ И ШАХСЕВАН

Каждый год, когда наступает отпуск, наша семья летит в Азербайджан. Сначала — Баку: несколько дней у родственников, шумный город на берегах Каспия. А потом — дорога в Кюрдамирский район, в село Шахсеван, в свой родной домик.

И вот что я скажу без обиняков: село для меня роднее всего на свете.

Дом отца стоит на участке, где много деревьев — свой сад, который родители сажали и холили годами. Через дорогу живёт тёща, рядом дяди и тёти. Вся родня в радиусе пары улиц. Вечером все собираются, пьют чай, разговаривают — и это разговор не «по делу», а для души, как положено.

Что меня держит там? Спокойствие. В селе утром не слышно ни машин, ни человеческого гула — только птицы. Природа прекрасная, погода мягкая, живность по двору. Идеальное место для детей — и когда-нибудь я хочу, чтобы мои дети там бегали по этому саду, как бегал когда-то я.

В Баку я — северянин: замёрзший в костях, непривычный к жаре. В Новом Уренгое я — азербайджанец: с фамилией, которая сразу видна в документах и слышна в разговоре. Две

родины, и в каждой я немного чужой. Но вместе они — я целиком.

ГЛАВА 8
НЕДОВОЛЬСТВО ИЗ-ЗА НАЦИИ

Об этом говорить тяжело, но без этой главы биография была бы фальшивкой.

Сверстники и взрослые, которые демонстрировали недовольство моим происхождением, встречались мне постоянно — от косых взглядов до прямых слов. Ребёнок с южной фамилией в северном городе рано узнаёт: кто-то сначала видит национальность и только потом — человека.

Я не буду считать всех виноватыми и всех правыми — это было бы несправедливо, а справедливость для меня не пустой звук. Но то, что это чувство знакомо каждому азербайджанцу, выросшему на чужой земле, — факт. И у каждого из нас из этого что-то вырастает: у одних — озлобленность, у других — броня, у третьих — решимость.

У меня выросло вот что: потребность быть лучше — делом, а не словами. Доказывать не кулаками (хотя кулаки тоже были), а результатом. Работой. Характером. Тем, что я никогда не отступаю от своего мнения и всегда довожу начатое до конца. Пусть смотрят на фамилию — а потом пусть смотрят на дело, которое стоит за этой фамилией.

И ещё: я усвоил двусторонний урок справедливости. Раз я знаю, каково это — когда к тебе относятся по ярлыку, — я

не имею права сам вешать ярлыки на других. Милосердие не национально. Щедрость не национальна. Честность — язык, на котором говорят все достойные люди.

ГЛАВА 9
ТЕХНИКУМ: 2013 ГОД

После девятого класса я поступил в Новоуренгойский техникум газовой промышленности. Это был не выбор против школы, а выбор за профессию — рано и осознанно.

Специальность — техник-технолог. Я помню, как относились к этому решению некоторые взрослые: «Куда после девятого класса? Иди в десятый, потом в институт». Но у нас в семье смотрели на вещи иначе. Керимовы — это династия газовиков: отец, деды, вся родня — люди газа. Мне так и сказали: выбирать долго не придётся. Север всё равно потребует от человека дела, а газ на Ямале — это дело на века.

Выбирать долго не приходилось. Но выбирать хотелось.

Потому что, если я говорю в этой книге всю правду, должен сказать и её: я всегда мечтал стать хирургом. Операционная, синие халаты, руки, которые решают вопрос жизни и смерти, — это была моя тайная мечта, которая так и осталась в мечтах. Север, семья, газ — всё сложилось иначе. И вот что интересно: чем дальше я шёл по своему пути, тем больше понимал, что хирургия и промысел — родные сёстры. В обоих случаях — точность, ответственность, работа руками и понятие «нельзя ошибиться». Я не стал хирургом. Но ру-

ками я работаю так, как работал бы в операционной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.